

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УГОЛОВНОГО ПРАВА

СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ РОССИНСКИЙ

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10
E-mail: igpran@igpran.ru
SPIN-код: 8295-9884

DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-5-rossinskiy

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (К 100-ЛЕТИЮ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1922 г.)

Аннотация. Настоящая статья посвящается исследованию факторов, повлиявших на зарождение и становление уголовной юстиции в начальный период существования советской России (с 1917 по 1922 г.) и предопределивших условия и содержание кардинальных организационно-правовых изменений в сфере уголовного судопроизводства как фрагмента общих преобразований материально-го и процессуального законодательства, системы судостроительства и механизмов реализации юрисдикционных полномочий, впоследствии названных Судебной реформой РСФСР 1922 г.

Автором не ставится цель простого описания известных историко-юридических фактов, в первую очередь декретов советской власти, связанных с различными этапами формирования судебно-следственных и правоохранительных органов. Вместо этого предпринимается попытка рассмотрения таких фактов сквозь призму общих социально-политических закономерностей и процессов, предопределивших послереволюционный кризис российской государственности, а также повлиявших на выбор путей его преодоления, в том числе и в сфере уголовной юстиции. В частности, исследуются проблемы и тенденции, а также сопутствующие им обсуждения и дискуссии, присущие трем основным периодам развития институциональных основ уголовного правосудия в первые годы советской власти: 1) периоду коалиции большевиков и левых эсеров (ноябрь 1917 г. — июль 1918 г.); 2) периоду централизации судебной системы (июль — ноябрь 1918 г.); 3) периоду развития уголовной юстиции после принятия Положения о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г., связанному с частичной реставрацией дореволюционных подходов к судостроительству и уголовному судопроизводству.

В результате формулируются выводы: а) о достаточно бессистемном, импульсивном, экстренном характере первых преобразований в области уголовной юстиции, об их обусловленности стремлением оперативного создания временной системы судебно-следственной власти, обеспечивающей возможность эффективной защиты завоеваний революции, осуществления уголовной репрессии в условиях политической нестабильности и построения новой государственности; б) о развитии уголовной юстиции по двум параллельным векторам: «ординарному» и чрезвычайному, выраженному в работе революционных трибуналов. Кроме того, отмечается, что ввиду завершения военного коммунизма и перехода к новой экономической политике возникла потребность в кардинальных преобразованиях судостроительства, коренных изменениях порядка уголовного судопроизводства и формировании принципиально иных подходов к работе судебных, следственных и правоохранительных органов, обеспечивающих возможность централизованного руководства всей системой советской уголовной юстиции, а также единообразие правоприменительной практики.

Ключевые слова: декрет о суде; история судостроительства; история уголовного судопроизводства; народные суды; положение о народном суде; революционные трибуналы; следственные комиссии; судебная реформа 1922 г.; уголовная юстиция; уголовное судопроизводство

SERGEY B. ROSSINSKIY

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

10 Znamenka str., Moscow 119019, Russian Federation.

E-mail: igpran@igpran.ru

SPIN code:8295-9884

CRIMINAL JUSTICE FORMATION AND DEVELOPMENT DURING THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER (DEVOTED TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE JUDICIAL REFORM OF 1922)

Abstract. The article is devoted to the study of the factors that influenced the criminal justice appearance and formation during the initial period of the existence of Soviet Russia (from 1917 to 1922) and predetermined the conditions and content of dramatic organizational and legal changes in the field of criminal justice as an integral element of general transformations in substantive and procedural legislation, the judiciary and mechanisms for the implementation of jurisdictional powers that were later called the RSFSR Judicial Reform of 1922.

The author did not pursue an aim to describe well-known historical and legal facts, primarily decrees of the Soviet government related to various stages of the for-

mation of judicial, investigative and law enforcement agencies. On the contrary, the author made an attempt to consider these facts through the prism of general socio-political patterns and processes that predetermined the post-revolutionary crisis of Russian statehood and influenced the choice of ways to overcome it, also in the field of criminal justice. In particular, the paper examines the problems and trends, as well as debates and discussions inherent in the three main periods of the development of the institutional foundations of criminal justice in the early years of Soviet power, namely, during: 1. the period of the Bolsheviks and Left Socialists-Revolutionaries coalition (November 1917 — July 1918); 2. the period of the judicial system centralization (July — November 1918); 3. the period of criminal justice development after adoption of the Regulations on the RSFSR People's Court dated 30 November 1918 that associated with partial restorations of pre-revolutionary approaches to the judicial system and criminal court proceedings.

As a result, the author concludes that: a. the nature of the first transformations in the field of criminal justice was rather unsystematic, impulsive, and urgent; those first transformations were preconditioned by the desire to promptly create a temporary system of judicial and investigative power that provided the possibility of effective protection of the gains of the Revolution, implementation of criminal repression in conditions of political instability, and construction of a new statehood; b) criminal justice developed in two parallel vectors: an "ordinary" vector and an extraordinary vector that was implemented in the work of revolutionary tribunals. In addition, the paper highlights that, due to the war communism termination and transition to the New Economic Policy (NEP), there was a need for radical transformations of the judicial system, fundamental changes in criminal proceedings and fundamentally different approaches to the work of judicial, investigative and law enforcement agencies, ensuring the possibility of centralized administration of the entire system of Soviet criminal justice and uniform law enforcement practice.

Keywords: Decree on Court; history of the judicial system; history of criminal proceedings; people's courts; Regulations on the People's Court; revolutionary tribunals; investigative commissions; Judicial Reform of 1922; criminal justice; criminal proceedings

1. Введение

В 2022 г. отмечается столетний юбилей с момента проведения известной Судебной реформы РСФСР, на долгие годы предопределившей вектор развития советской системы судостроительства, органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, адвокатуры, а также механизмов осуществления ими государственно-властных полномочий (правомочий), в том числе в сфере уголовной юрисдикции. Реформа 1922 г. была обусловлена завершением Гражданской войны, переходом советской России к мирной жизни, новой экономической политике и многими другими факторами, сопутствующими по-

степенному выходу из постреволюционного кризиса, восстановлению народного хозяйства и возникновению более устойчивых форм и методов государственного управления. К этому времени явно не рассчитанные на продолжительный период действия, неоднократно меняемые и корректируемые правила организации и работы поспешно учрежденных органов революционной юстиции стали представляться уже не соответствующими реальным потребностям начинающего оправляться от социально-политических и экономических потрясений советского общества¹. Возникла потребность в «реабилитации» традиционной правовой доктрины и свойственных для цивилизованного мира правовых ценностей, в восстановлении многих классических правовых норм, отраслей, институтов; появились предпосылки для воссоздания понятия «закон» и категории «законность»².

Указанные причины в своей совокупности дали импульс для больших изменений раннесоветского права, а по сути, для формирования еще не существующей полноценной, максимально приближенной к общепринятым канонам юридической доктрины и соответствующей передовым стандартам мировой цивилизации правовой системы. Несколько позднее специалисты в области истории советского государства и права назвали совокупность проведенных в данном направлении кардинальных преобразований Судебной реформой 1922 г.

Однако содержание Судебной реформы было далеко не случайным; ее разработчики во многом исходили из опыта работы тех самых поспешно учрежденных в 1917 г. и реформируемых на протяжении последующих нескольких лет органов революционной юстиции: народных судов, революционных трибуналов, следственных комиссий (позднее — народных следователей) и т.д., старались учесть все допущенные ошибки и перегибы, зачастую приводящие к фактическому превращению юридического процесса в профанацию, к абсолютному обесцениванию высокого предназначения процессуальной формы, полному игнорированию каких-либо правовых гарантий доброкачественности ожидаемых результатов. В этой связи подлинное понимание замыслов и сущности Судебной реформы 1922 г. возможно лишь

¹ См.: *Вышинский А.Я.* Курс уголовного процесса. М., 1927. С. 49.

² См.: *Трайнин А.Н.* О революционной законности // *Право и жизнь.* 1922. № 1. С. 5–8; *Бранденбургский Я.Н.* Просто законность или революционная законность? // *Еженедельник советской юстиции.* 1922. № 31/32. С. 2; *Крыленко Н.В.* О философских выступлениях т. Солнца на тему о «революционной законности», о «старом» и «новом» праве и его практических по этому поводу предложениях // *Статьи о революционной законности.* М., 1926. С. 47–51 и др.

при надлежащем осмыслении проблем, тенденций, обсуждений и дискуссий, сопутствующих возникновению и последующим изменениям системы судостроительства и судопроизводства в нестабильных условиях первой «пятилетки» развития советской государственности. Причем наибольший интерес на этом фоне представляют вопросы, связанные с формированием именно уголовной юстиции как некоего зеркала, наиболее четко отразившего постреволюционные социально-политические процессы — их рассмотрению и посвящается настоящая статья.

2. Уголовная юстиция в первые месяцы советской власти — в условиях коалиции большевиков и левых эсеров (ноябрь 1917 г. — июль 1918 г.)

Вообще российская система уголовной юстиции в современном понимании этого феномена начала складываться во второй половине XIX в. — после известных государственно-правовых преобразований, проводимых под руководством императора Александра II и послуживших импульсом для постепенного развития судостроительных и судопроизводственных институций, свойственных для буржуазных европейских государств и их многочисленных колоний. Причем ввиду целого ряда объективных и достаточно понятных любому историку факторов эти процессы были подвержены сильному влиянию романо-германской публично-правовой доктрины Нового времени. В частности, предусмотренные Уставом уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. (УУС)³ дореволюционные правила предварительного следствия и судебного разбирательства предполагали весьма высокую степень преемственности по отношению к классической французской модели уголовного правосудия, возникшей на рубеже XVIII–XIX вв. и впервые легализованной в «Наполеоновском» кодексе уголовного следствия 1808 г.⁴ Так, досудебное производство

³ Устав уголовного судопроизводства Российской империи от 20 ноября 1864 г.

⁴ Ввиду известных причин, позволивших Франции на рубеже XVIII–XIX вв. занять лидирующие позиции в континентальной Европе, ее самая прогрессивная на тот момент правовая система, в частности система уголовной юстиции, вообще оказала очень сильное влияние на формирование и последующее развитие европейского законодательства. Сам по себе «Наполеоновский» кодекс уголовного следствия (Code d'instruction criminelle) оказался настолько удачным, настолько хорошо гармонизировался с возникшей во второй половине XVIII в. континентальной (романо-германской) уголовно-правовой доктриной, в том числе с концептуальными идеями Чезаре Беккариа, что помимо Франции был принят «на вооружение»

(предварительное следствие) находилось в ведении судебных следователей, осуществляющих полномочия при помощи полиции и под надзором прокуратуры, а судебное производство — в ведении судов различных уровней: волостных и окружных судов, судебных палат и Сената, выполняющего функции высшей судебной инстанции по уголовным и гражданским делам.

Между тем революционные потрясения 1917 г., привели к глобальным изменениям всей системы государственного управления, неизбежно затронувшим и организацию уголовной юстиции, и правила реализации соответствующих полномочий в сфере расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Несомненно, что одна из причин указанных преобразований предполагала сугубо идеологическую основу — связывалась с известными революционными идеями и лозунгами об абсолютной неприемлемости дальнейшего сохранения «не отвечающей интересам народа», «загнивающей», «эксплуататорской», неоднократно скомпрометировавшей себя в части уголовного преследования революционеров царской системы уголовной юстиции. Подобные позиции неоднократно высказывались основателями советского государства, например, были озвучены В.И. Лениным на прошедшем в январе 1918 г. III Всероссийском съезде Советов. Мотивируя решение большевиков, «не реформируя старый суд, сразу отдать его на слом», глава советского правительства говорил, что «этим расчищалась дорога для подлинно народного правосудия, превратившегося из слепого орудия беспощадной эксплуатации трудящихся и защиты интересов денежного мешка в орудие воспитания на прочных основах социалистического общества»⁵. Схожие оценки вполне ожидаемо давались и целым рядом советских ученых-процессуалистов⁶.

Вместе с тем при более глубоком погружении в историю возникновения раннесоветской юстиции указанная причина начинает представляться сыгравшей далеко не главную роль в принятии решения о столь поспешных и кардинальных изменениях. По крайней мере, многие доступные на сегодняшний день источники свидетельствуют

и в других странах, а в некоторых из них (например, в Бельгии или Люксембурге) с учетом ряда изменений используется по сей день.

⁵ См.: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 35. Октябрь 1917 — март 1918. М., 1974. С. 270.

⁶ См.: *Вышинский А.Я., Ундревич В.С.* Курс уголовного процесса. 2-е изд. Т. 1. Судостроительство. М., 1936. С. 170—171; *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 104 и др.

о том, что вопросы реформирования системы уголовного судопроизводства и судебно-следственных органов вообще не входили в перечень первостепенных задач построения советской государственности. В частности, некоторые известные юристы — непосредственные участники и очевидцы тех событий — писали о наблюдавшемся в конце октября — начале ноября 1917 г. достаточно равнодушном отношении нового политического руководства страны к необходимости каких-либо серьезных изменений в данном сегменте государственного управления⁷. Тем более что в сформированном после революции преимущественно большевистском правительстве — Совете народных комиссаров (Совнарком) «портфель» юстиции в силу известных договоренностей был обещан партии левых социалистов-революционеров (эсеров), поэтому В.И. Ленин и его соратники вообще изначально не намеревались проводить в этом направлении никаких поспешных преобразований⁸. К тому же и в самих программных документах РСДРП(б) подобные задачи были сформулированы в достаточно общем, не подразумевающим конкретики виде: говорилось лишь о праве каждого лица преследовать в обычном порядке перед судом присяжных всякого чиновника, а также о необходимости обеспечения выборности судей народом⁹. По оценкам одного из ученых-правоведов послереволюционного периода, впоследствии репрессированного В.С. Ундревича, в первое время большевики сами признавали слабую проработанность вопросов роли и значения права и суда в пролетарской революции¹⁰.

Поэтому, по всей вероятности, имелась еще одна веская причина, предопределившая необходимость реорганизации царской уголовной юстиции, — практически полное разложение существовавшей ранее системы судебно-следственных и правоохранительных органов, обусловившее утрату должной работоспособности, возможности надлежащего осуществления возложенных на нее функций. К тому же

⁷ См.: *Стучка П.И.* 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: Сборник статей (1917–1930). М., 1931. С. 35; *Ростовский И.А.* Как работал народный суд в 1918 году // *Еженедельник советской юстиции.* 1922. № 44/45. С. 16 и др.

⁸ См.: *Стучка П.И.* 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. С. 35.

⁹ См.: Программы политических партий России. Н. Новгород, 2013. С. 9.

¹⁰ См.: *Ундревич В.С.* Борьба за суд пролетарской диктатуры в первые месяцы Октябрьской революции // *Советское государство и право. Журнал института советского строительства и права.* 1931. № 7. С. 60.

советское правительство столкнулось с неожиданной проблемой — абсолютным игнорированием «служителями Фемиды» новых политических реалий, а иногда и явным пренебрежением этими обстоятельствами. Еще целый месяц после революции — утверждал известный юрист того времени Ф.М. Нахимсон — суды продолжали работать, руководствуясь буржуазным законодательством, постановляя приговоры именем Временного правительства¹¹. В свою очередь, Д.И. Курский, вспоминая обстоятельства формирования новых судебно-следственных органов в г. Москве, писал о возникшем еще в период работы Временного правительства и усилившемся после Октябрьской революции нежелании многих царских судебных чиновников надлежаще исполнить свои служебные обязанности, в том числе о явном саботаже с их стороны¹². По мнению П.И. Стучки, суд казался чем-то посторонним, фактически продолжающим открыто и легально агитировать за свергнутую власть, против сторонников которой тут же велась вооруженная борьба¹³. Одновременно начался и массовый отток с государственной службы опытных судей, следователей, прокуроров, приведший к кадровому голоду — к отсутствию достаточного количества квалифицированных юристов, желающих сотрудничать с советской властью и способных справиться с нарастающим в силу понятных причин объемом уголовных дел.

При таких обстоятельствах возникла объективная потребность в принятии ряда экстренных мер, связанных с упразднением прежней и формированием новой, советской системы судебных и правоохранительных органов, а следовательно, и существенным реформированием механизмов судопроизводства, выявления, раскрытия и расследования преступлений. Хотя для справедливости все же необходимо отметить, что первые шаги в данном направлении начали предприниматься несколько ранее — в период работы Временного правительства, когда были ликвидированы старые, полицейско-жандармские органы охраны правопорядка, уполномоченные, помимо прочего, проводить дознание и оказывать содействие судебным следователям. Взамен был учрежден новый правоохранительный орган — мили-

¹¹ См.: *Нахимсон Ф.М.* Первые дни жизни народного суда в Петрограде // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 28.

¹² См.: Из деятельности Московского комиссариата по судебному ведомству (беседа с Наркомом юстиции тов. Дм. Ив. Курским) // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 4.

¹³ См.: *Стучка П.И.* Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 1.

ция, в дальнейшем, уже после Октябрьской революции, преобразованный в рабочую милицию. А в декабре 1917 г. было образовано еще одно правоохранительное ведомство полицейского типа — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК).

Вопрос о необходимости принятия специального «судебного» декрета впервые попал в повестку советского правительства в начале ноября 1917 г. А уже 10 (23) ноября проект документа в первоначальной редакции был оглашен народным комиссаром юстиции П.И. Стучкой на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК). В тот же день была опубликована его статья «Классовый или демократический суд», где раскрывались основные положения готовящегося «судебного» декрета, предполагавшего кардинальные преобразования основ правосудия и системы судебных и правоохранительных органов¹⁴.

Дальнейшая работа с проектом документа проходила в условиях бурной полемики и ожесточенной борьбы между представителями двух основных политических сил: большевиков и левых эсеров. И если первые намеревались реализовать идею о едином народном суде, уполномоченном рассматривать по существу все без исключения, в том числе уголовные, дела, то вторые ратовали за максимально возможное сохранение лучших традиций российского правосудия, в частности, за дифференциацию общей и мировой юстиции¹⁵. Вместе с тем подход левых эсеров вовсе не состоял в копировании упраздняемой системы дореволюционной уголовной юстиции — их позиция сводилась к максимальной адаптации хорошо апробированных механизмов судоустройства и судопроизводства к новым общественно-политическим реалиям¹⁶.

В итоге указанных обсуждений и дискуссий был подготовлен окончательный проект документа, предполагающий целый ряд весьма шатких, неустойчивых и поэтому явно не рассчитанных на длительное использование компромиссных позиций — ни одной из политических сил так и не удалось полностью реализовать свои идеи об организационных и функциональных принципах народного правосудия. Однако,

¹⁴ См.: *Мишунин П.Г.* Из истории первого Декрета о суде // Вопросы истории. 1949. № 4. С. 10.

¹⁵ См.: *Курский Д.И.* Основы революционного суда // Материалы Народного комиссариата юстиции РСФСР. 1918. Вып. 2. С. 58.

¹⁶ См.: *Шрейдер А.А.* Народный суд. М., 1918. С. 5.

будучи заинтересованы в сотрудничестве с левыми эсерами и движимы намерениями отдать «портфель» народного комиссара юстиции представителю этой партии, большевики все-таки пошли на большие уступки — передали партнерам по коалиции тактическую инициативу¹⁷. Новую систему советской юстиции было решено формировать по образу и подобию дореволюционных стандартов, за исключением целого ряда деталей, не вписывающихся в предполагаемый вектор развития социалистической государственности¹⁸.

Подготовленный правовой акт, официально названный Декретом «О Суде»¹⁹, но более известный как Декрет о суде № 1, был принят на заседании Совнаркома 22 ноября (5 декабря) 1917 г. Декрет полностью упразднил существовавшие ранее суды, судебных следователей, прокуратуру, присяжную и частную адвокатуру. Взамен учреждались местные и соответствующие военные (фронтовые) суды в составе избираемого на основе прямых демократических выборов²⁰ постоянно действующего «профессионального» судьи и двух очередных заседателей, подлежащих приглашению на каждую сессию по особым спискам; в части образования иных судебных органов указывалось лишь на перспективные планы урегулирования этих вопросов отдельным декретом. Решения вновь образуемых судов признавались окончательными, не предполагающими возможности пересмотра в апелляционном порядке. Вместе с тем устанавливалось право кассационного обжалования приговора, предусматривающего наказание в виде лишения свободы на срок свыше семи дней; полномочия кассационной инстанцией возлагались на уездные (в столицах — на столичные) съезды местных судей. В ведение местных судов передавалось и досудебное производство по уголовному делу: предварительное следствие предписывалось осуществлять единолично «профессиональному» судье, за исключением принятия ряда наиболее важных решений, которые надлежало выносить всем составом суда.

¹⁷ См.: *Сладков В.Н.* Наркомат юстиции РСФСР и советское законодательство (1917–1922 годы): Дисс. ... канд. истор. наук. М., 1996. С. 42.

¹⁸ См.: *Коссов И.А.* Окружные народные суды в судебной системе РСФСР (февраль — ноябрь 1918 г.) // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. № 11. С. 89.

¹⁹ Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О Суде» // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

²⁰ До назначения прямых демократических выборов местных судей предписывалось избирать районными и волостными либо уездными, городскими и губернскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Кроме того, для защиты завоеваний революции и борьбы с различными проявлениями контрреволюционного поведения, в том числе мародерством, хищениями имущества (хищничеством), саботажем, иными злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и др., учреждались первые чрезвычайные суды — так называемые рабочие и крестьянские революционные трибуналы в составе председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими Советами депутатов. Одновременно на базе трибуналов предполагалось создание особых следственных комиссий, которым предписывалось осуществлять предварительное следствие по подсудным им уголовным делам.

В ряде современных публикаций по истории советской юстиции бытует мнение, что Декрет о суде № 1 предопределил отмену прежнего порядка уголовного судопроизводства²¹. Вместе с тем подобные позиции представляются не совсем точными — применявшийся до революции УУС оставался кодифицированным источником уголовно-процессуального права вплоть до принятия Положения о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г.²², прямо запретившего использовать в приговорах ссылки на законы свергнутых правительств. Тогда как в Декрете о суде № 1, напротив, содержалось лишь достаточно неопределенное и предрасположенное к вариативному толкованию предписание, обязывающее судей руководствоваться дореволюционными законами, но лишь в части, не отмененной революцией и не противоречащей революционным совести и правосознанию. Одновременно разъяснялось, что отмененными надлежит считать все законы свергнутых правительств, не соответствующие декретам советской власти, программам-минимум РСДРП и партии эсеров²³. Кстати, несколько позднее П.И. Стучка прямо признал расплывчатость и неопределенность данной формулировки, однако при этом назвал ее откровенной и нелицемерной, призывающей к определению самим народом тех положений

²¹ См., например: *Карданова Р.Х.* РКП(б) и формирование системы советской юстиции (1917–1922 гг.): Дисс. ... канд. истор. наук. Краснодар, 2006. С. 33.

²² Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

²³ В ряде современных публикаций Декрет о суде № 1 оценивается как правовой акт двойственного характера, предполагающий существенные заимствования из царского законодательства и одновременно содержащий зачатки новых советских институтов. См., например: *Верещагина А.В.* Декрет № 1 о суде: история подготовки и его содержание // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 108.

прежнего законодательства, которые еще подлежат применению, и тех, которые окончательно отменены революцией²⁴.

Как отмечалось выше, Декрет о суде № 1 являлся не более чем экстренной мерой, принятой советским правительством в целях срочного упразднения старой и оперативного формирования временной, как бы переходной системы судебно-следственных органов революционного типа, т.е. был рассчитан на весьма непродолжительный период действия. Тем более что его положения носили самый общий характер и прямо предполагали потребность в последующей конкретизации в других нормативных правовых актах. Поэтому уже через несколько недель его содержание стало дополняться и корректироваться посредством издания еще целого ряда подобных документов.

Так, в декабре 1917 г. Народный комиссариат юстиции РСФСР (Наркомюст) разработал и утвердил специальную Инструкцию, определяющую состав, полномочия и порядок работы революционных трибуналов²⁵. К указанному времени вопросы юстиции уже практически полностью перешли под контроль левых эсеров, а Наркомюст возглавил один из членов партии И.З. Штейнберг. В этой связи Инструкция во многом отразила левэсеровский подход, подразумевающий максимально возможную преемственность формируемой модели судостроительства и судопроизводства по отношению к дореволюционной системе, но с учетом новых общественно-политических реалий. И хотя она имела весьма ограниченную сферу применения — касалась лишь производства в чрезвычайных судах, ее принятие стало важным шагом на пути формирования раннесоветской системы уголовной юстиции. По сути, это был первый правовой акт советской власти, более или менее ясно определяющий порядок расследования и судебного разбирательства отдельных категорий уголовных дел. В частности, в Инструкции устанавливалась подсудность уголовных дел революционным трибуналам, более или менее четко регламентировался порядок работы следственных комиссий, проведения судебных заседаний и т.д.

В январе 1918 г. началась подготовка проекта нового «судебного» декрета, направленного на конкретизацию и существенное дополнение «правовых лозунгов» общего характера, установленных Де-

²⁴ См.: *Стучка П.И.* 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. С. 10.

²⁵ Инструкция Наркомюста РСФСР от 19 декабря 1917 г. «Революционному Трибуналу. О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. № 38 (21 декабря).

кретом о суде № 1. Разработка документа по-прежнему находилась в зоне сильного влияния партии левых эсеров и осуществлялась под руководством еще сохранявшего пост народного комиссара юстиции И.З. Штейнберга. В этой связи многие воплощенные в нем правотворческие решения были в очередной раз детерминированы левоэсеровскими представлениями о перспективах формирования советской юстиции. Хотя и здесь не обошлось без достаточно ожесточенной борьбы и жарких дискуссий, приведших к необходимости очередного поиска приемлемых компромиссов. В частности, наибольшей критике подверглись предпринимаемые левыми эсерами попытки создания независимых от исполнительной власти органов правосудия, сохранения и укрепления окружных судов, увеличения количества судебных инстанций, что расценивалось большевиками как «убогость творческой фантазии» и «копирование учреждений по старым образцам»²⁶, а также воспринималось в контексте негативного прогноза, предполагающего усиление влияния профессионального юридического сообщества²⁷.

В результате затянувшихся на несколько недель обсуждений и согласований появился окончательный вариант документа, который был утвержден Президиумом ВЦИК 20 февраля 1918 г. и вошел в историю государства и права как Декрет о суде № 2²⁸. Декрет устанавливал достаточно четкую (по крайней мере, насколько это было возможно в первые месяцы существования советской власти) модель судостроительства. В частности, предполагалось образование окружных народных судов, а в качестве высшего судебного органа — общего собрания судей. Кроме того, для достижения единообразия кассационной практики планировалось учреждение так называемого Верховного судебного контроля, наделенного полномочиями по обнаружению противоречий в толковании законов и их устранению посредством издания «объединяющих» актов — прототипов будущих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РФ. Кроме того, авторы Декрета намеревались наделить Верховный судебный контроль полномочиями по выявлению правовых коллизий между законами и народным правосознанием и внесению представлений, направленных на их устранение, т.е.

²⁶ См.: *Захаров В.В.* Высший судебный контроль в РСФСР // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. № 15. С. 55.

²⁷ См.: *Сладков В.Н.* Указ. соч. С. 44.

²⁸ Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О Суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

поручить ему функции, отчасти сходные с функциями современного Конституционного Суда РФ.

Однако ввиду целой чреды дальнейших событий вытекающие из содержания Декрета о суде № 2 намерения о создании полноценной системы окружных судов и Верховного судебного контроля так и не получили своего практического воплощения. Вполне вероятно, что предложенная представителями партии левых эсеров модель судостроительства просто не была рассчитана на политическую обстановку первых месяцев существования советской власти, т.е. оказалась нежизнеспособной для указанного исторического периода, непригодной для решения задач, стоящих перед раннесоветским правосудием, в первую очередь перед уголовной юстицией. Поэтому идеи, предполагающие формирование разветвленной системы судебных инстанций, вскоре были пересмотрены. Хотя некоторые исследователи не без оснований полагают, что на окончательный отказ от подобных планов в большей степени все-таки повлияла политическая конъюнктура — разрыв коалиции большевиков и левых эсеров с отстранением последних от власти²⁹.

Декрет о суде № 2 уделял достаточно много внимания порядку судопроизводства, в том числе механизмам предварительного расследования и судебного разбирательства всех остальных, т.е. не подсудных революционным трибуналам категорий уголовных дел. Вместе с тем он не являлся полноценным источником уголовно-процессуального права (неким «революционным уголовно-процессуальным кодексом»), пришедшим на смену УУС, а лишь закреплял совокупность базовых, к тому же рассчитанных на переходный период положений, позволяющих обеспечить более или менее приемлемую правоприменительную практику в условиях, явно не предрасполагающих к возможности незамедлительного кардинального реформирования системы национального законодательства. Иными словами, этот правовой акт в течение нескольких последующих месяцев (до вступления в силу обновленного Положения о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г.), по сути, выступал в качестве «временных Основ уголовного судопроизводства» и регламентировал основополагающие принципы работы экстренно созданных революционных органов уголовной юстиции.

Декретом предусматривались и некоторые новации в части организации досудебного производства — проведение предваритель-

²⁹ См.: *Захаров В.В.* Указ. соч. С. 56.

ного следствия поручалось специально учреждаемым в этих целях следственным комиссиям. По смыслу Декрета они обладали всем спектром государственно-властных, в том числе юрисдикционных, полномочий, необходимых для полного, всестороннего и объективного установления имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, а в случае надобности могли обращаться за содействием к Красной гвардии, народной милиции, иным государственным и общественным учреждениям, к любым частными и должностным лицам.

Наряду с реформированием «одинарного» судостроительства и судопроизводства в первой половине 1918 г. наблюдались и серьезные преобразования трибунальной юстиции. Так, изменения и дополнения в организацию и порядок работы революционных трибуналов были внесены специальным декретом Совнаркома от 4 мая 1918 г.³⁰ В частности, советское правительство признало целесообразным сохранить указанные чрезвычайные суды только в столицах, крупных городах (губернских и промышленных центрах) и на узловых станциях, а все остальные местные и армейские трибуналы — упразднить с передачей находящихся в их производстве дел в ближайшие трибуналы. Кроме того, некоторый корректировке подверглись правила трибунальной подсудности и другие положения, определяющие порядок расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. 29 мая 1918 г. для производства по особо важным уголовным делам, отнесенным к трибунальной подсудности, был образован высший чрезвычайный судебный орган — Революционный трибунал при ВЦИК³¹ и т.д.

3. Дальнейшее развитие уголовной юстиции — на пути к централизации судебной системы (июль — ноябрь 1918 г.)

Менее чем через полгода после принятия Декрета о суде № 2 был подготовлен и издан очередной «судебный» декрет — Декрет о суде № 3³². На первый взгляд этот документ имел сугубо корректировочный характер. Однако сама потребность его принятия предопределялась не столько организационно-правовыми, сколько политическими

³⁰ Декрет СНК РСФСР от 4 мая 1918 г. № 471 «О Революционных Трибуналах» // Известия ВЦИК. 1918. № 97. 17 (4) мая.

³¹ Декрет ВЦИК и СНК от 29 мая 1918 г. «Положение о Революционном трибунале при ВЦИК» // СУ РСФСР. 1918. № 41. Ст. 520.

³² Декрет СНК РСФСР от 13 июля 1918 г. № 3 «О Суде» // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

причинами — разрывом коалиции большевиков и левых эсеров, выходом последних из Совнаркома, в том числе полной утратой контроля над Наркомюстом. Июльское восстание левых эсеров, с сожалением отмечал в своих воспоминаниях современник революционных событий, а впоследствии белоэмигрант профессор Н.С. Тимашев, не сыграло ни в одной области государственной жизни, такой роли, какую оно сыграло в сфере судоустройства. С уходом народного комиссара юстиции И.З. Штейнберга, продолжал автор, заложенный в Декрет о суде № 2 подход, предполагающий необходимость рассмотрения особо важных дел, не народными, а несколько более компетентными судами, был признан уступкой мелкобуржуазным предрассудкам³³.

В этой связи издание Декрета о суде № 3 надлежит расценивать как некий переломный момент, как отправную точку, ознаменовавшую постепенный отход от левоэсеровских представлений о векторе дальнейшего развития национальной юстиции, и начало методичного формирования достаточно самобытной советской системы судебных и правоохранительных органов, а также обусловленных ей механизмов судопроизводства, в том числе предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу. Кроме того, подготовка Декрета о суде № 3 уже не предполагала каких-либо серьезных обсуждений и дискуссий; с этого момента все дальнейшие нормативные правовые акты в области юстиции, как и многие другие подобные документы, стали преимущественно разрабатываться в условиях келейности³⁴, исключаящих привлечение к работе над соответствующими проектами представителей различных политических сил.

Помимо прочих «точечных» новаций Декретом о суде № 3 временно учреждался Кассационный суд. По мнению ряда исследователей, подобная мера была обусловлена лишь существовавшей на тот момент потребностью в создании условий для кассационной проверки решений еще не упраздненных окружных народных судов. В целом же большевики относились к окружным судам с изрядной долей недоверия, считали их учреждение не более чем тактическим маневром во взаимоотношениях с партией левых эсеров, а после распада коалиции стали вынашивать планы их скорейшей ликвидации. И в этой связи создание Кассационного суда тоже предполагалось на весьма непродолжительный срок — в реальности указанный судебный орган так

³³ См.: *Тимашев Н.С. Судоустройство // Право советской России: Сб. статей / Под ред. Е.А. Ляцкого. Вып. 2. Прага, 1925. С. 215.*

³⁴ См.: *Сладков В.Н. Указ. соч. С. 63–64.*

и не был сформирован; советская власть отказалась от подобных идей уже осенью 1918 г.³⁵

Ввиду малой информативности первых «судебных» декретов, краткости содержащихся в них правовых формулировок наркомом юстиции П. И. Стучкой был предпринят еще один вынужденный шаг — разработана и утверждена Инструкция об организации и действии местных народных судов³⁶, содержащая достаточно подобные разъяснения по целому ряду вопросов, не попавших в сферу декретно-правового регулирования. В этой связи некоторые советские ученые даже называли эту Инструкцию «законом об организации местного народного суда»³⁷ или «небольшим кодексом законов о судоустройстве»³⁸. Однако подобные сравнения представляются не вполне оправданными. При всей полезности и разумности указанных разъяснений они вряд ли могли претендовать на роль нормативного правового акта, сопоставимого по юридической силе с кодексом, законом или, по крайней мере, очередным декретом советской власти. Тем более что 10 июля 1918 г. была принята первая Конституция РСФСР³⁹, в соответствии с которой судоустройство и судопроизводство относились к ведению Всероссийского съезда Советов и ВЦИК (ст. 49 Конституции). Инструкция скорее имела характер интерпретационного акта, чем-то напоминавшего современные постановления Пленума Верховного Суда РФ или ведомственные приказы руководителей органов дознания и предварительного следствия, содержащие разъяснения и толкования уголовно-процессуального законодательства.

Тем не менее, несмотря на все указные усилия, к середине 1918 г. стали заметны многие системные недостатки, присущие работе народных судов, трибуналов, следственных комиссий и других органов, созданных и действующих на основании первых революционных декретов в сфере юстиции. В частности, наряду с ненадлежащей кадровой укомплектованностью, слабым финансированием и материально-техническим обеспечением указанных органов многие специалисты

³⁵ См.: *Захаров В.В.* Указ. соч. С. 60–61.

³⁶ Постановление Наркомюста РСФСР от 23 июля 1918 г. № 597 «Об организации и действии Местных Народных Судов (Инструкция)» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 699–708.

³⁷ См.: *Вышинский А.Я., Ундревич В.С.* Указ. соч. С. 197.

³⁸ См.: *Чельцов М.А.* Уголовный процесс. М., 1948. С. 152.

³⁹ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.).

не без оснований писали о разобщенности, неопределенности и коллизии подавляющего большинства правовых норм о судостроительстве и судопроизводстве, predisposing к вариативному толкованию и абсолютной несогласованности правоприменительной практики⁴⁰. Кроме того, обращалось внимание на совершенно неприемлемую для постреволюционной социально-политической обстановки, начинающейся иностранной интервенции и гражданской войны децентрализованность судебной системы, на отсутствие единого и объединяющего «судебного центра»⁴¹.

Кстати, в указанный период времени в силу все тех же причин вообще стала ощущаться потребность в централизации любых органов власти, в достаточно авторитарных или даже тоталитарных формах государственного администрирования. Интересы революции, всего несколько месяцев назад разбившей самые прочные и тяжелые оковы, обеспечивающие принудительное повиновение масс, писал В.И. Ленин, вновь потребовали беспрекословного подчинения этих же масс единой воле руководителей трудового прогресса⁴².

И поэтому уже летом 1918 г. советским правительством стала проводиться несколько иная политика в области судостроительства, направленная на создание единой и централизованной судебной системы взамен многочисленных, разрозненных и плохо координируемых судебных учреждений. В частности, Наркомюсту было поручено подготовить проект нового «судебного» декрета, призванного юридически закрепить принципы централизации судебной власти, а также внести большую ясность в организацию судебных учреждений и порядок реализации ими государственно-властных полномочий, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Причем ввиду перехода Наркомюста под контроль партии большевиков и практически полного единства взглядов участников специально созданной рабочей группы выполнение этого задания не предполагало особых споров и дискуссий. Проект документа был подготовлен в относительно спокойной обстановке и в конце ноября 1918 г. внесен для рассмотрения и утверждения на очередном заседании ВЦИК. В историю советского государства и права этот «судебный» декрет вошел как Положение

⁴⁰ См.: Крыленко Н.В. Через пять лет // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 6–7; Славин И.В. Пять лет работы совнарсудов // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 9.

⁴¹ См.: Курский Д.И. Указ. соч. С. 59; Славин И.В. Указ соч. С. 9.

⁴² См.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. Март — июль. 1918. М., 1974. С. 200.

о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г., о котором уже упоминалось выше.

Согласно ст. 1–3 Положения в РСФСР устанавливалась единая система народных судов. Причем вследствие отказа от левоэсеровских идей, предполагающих деление судебных учреждений на звенья, предписывалось формировать лишь районные, уездные или городские (как бы местные) суды, находящиеся на одном и том же уровне судебной иерархии (составляющие единственное звено судебной системы) и осуществляющие тождественные юрисдикционные полномочия. Одновременно учреждались и первые органы судейского сообщества: губернские (приравненные) судебные округа, советы судей, наделенные, помимо прочего, полномочиями кассационной инстанции, правом рассмотрения жалоб на отдельные действия судов и т.д.

В отличие от более ранних «судебных» декретов Положение включало достаточно четкую и развернутую систему правовых норм, определяющих порядок судопроизводства, в том числе и по уголовным делам. Вместе с тем этот документ, как и предшествующий ему Декрет о суде № 2, тоже не являлся полноценным источником уголовно-процессуального права, не обладал всеми признаками, присущими подлинной кодификации, в первую очередь не характеризовался эффектами «разрыва» и «кристаллизации»⁴³. Положение в очередной раз закрепляло совокупность рассчитанных на непродолжительный период действия базовых постулатов предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, обеспечивающих более или менее единообразную правоприменительную практику в условиях неготовности государства к полноценной кодификации уголовно-процессуального законодательства. Другими словами, данный правовой акт имел значение очередных «временных Основ уголовного судопроизводства», регламентирующих принципы и некоторые наиболее важные правила осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Положением устанавливался прямой запрет на использование в приговорах ссылок на законы свергнутых правительств. В этой связи достаточно справедливой представляется точка зрения Л.В. Головки, рассматривающего данный правовой акт как легализовавший «завершение эпохи Судебных уставов» в целом и окончательную отмену

⁴³ Об указанных признаках кодификации см.: Головка Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2001. № 6. С. 3.

действовавшего ранее УСС в частности⁴⁴. Однако подобная отмена была не столько формальной, как об этом пишет уважаемый автор, сколько фактической. Ведь дореволюционное процессуальное законодательство специально никем не упразднялась. Тем более что Положение вообще охватывало своей силой далеко не все бывшие владения Российской империи, а лишь часть территорий, подконтрольных осенью 1918 г. советской власти.

4. Развитие уголовной юстиции после принятия Положения о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. — начало реставрации дореволюционных подходов

Заложенные в Положение о народном суде РСФСР 1918 г. подходы оказались весьма удачными; определившими вектор развития национальной политики в сфере уголовной юстиции на последующие несколько лет. Предусмотренная данным правовым актом система «ординарного» судоустройства и судопроизводства в целом просуществовала три с половиной года, т.е. достаточно долго, по крайней мере, насколько это было возможно в послереволюционный период, обремененный экономическим кризисом, Гражданской войной, нестабильностью механизмов государственного управления и другими негативным факторами. Тем не менее и она успела претерпеть некоторые изменения.

Например, в сентябре 1920 г. Наркомюстом были организованы особые сессии народных судов и учреждены так называемые дежурные камеры⁴⁵. Первые уполномочивались рассматривать не принятые революционными трибуналами к производству уголовные дела о крупной спекуляции, о наиболее важных должностных преступлениях, о злостных нарушениях трудовой повинности, о незаконном изготовлении и продаже спирта и т.д.; в ведении вторых находились несложные дела, подлежащие незамедлительному рассмотрению непосредственно в день задержания обвиняемого. Такое распоряжение в определенной степени сближало органы «ординарной» и трибунальной юстиции — принципы работы последних стали частично использоваться в ходе рассмотрения уголовных дел в народных судах⁴⁶.

⁴⁴ См.: Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. 2-е изд. М., 2017. С. 154.

⁴⁵ Постановление Народного комиссариата юстиции от 16 сентября 1920 г. «Об особых сессиях Народного Суда и дежурных камерах» // Известия ВЦИК. 1920. 26 нояб. № 266.

⁴⁶ См.: *Вышинский А.Я., Ундревич В.С.* Указ. соч. С. 224.

21 октября 1920 г. был принят еще один (как бы уже пятый!) «судебный» декрет — новое, а точнее, несколько обновленное Положение о народном суде РСФСР⁴⁷, содержащее ряд изменений, обуславливающих постепенную реставрацию некоторых дореволюционных подходов к организации судоустройства и механизмам судопроизводства. Причем такие преобразования представляются вполне закономерными и объяснимыми — несколько оправившись от послереволюционного хаоса, оценив имеющийся кадровый потенциал, в том числе возможности привлечения на службу отдельных специалистов, некогда работающих в судебных и правоохранительных органах Российской империи, руководители молодого советского государства начали постепенно формировать работоспособную систему уголовной юстиции. А поскольку решение этих задач по понятным причинам было поручено известным специалистам с дореволюционным «прошлым», неудивительно, что многие принятые в данном направлении правотворческие решения фактически повторили формально отвергнутые большевиками, а фактически внедренные в практику расследования и судебного разбирательства левозэровские идеи, основанные на прежних доктринальных и законодательных подходах. Как справедливо писал С.А. Шейфер, итоги раннесоветской правотворческой деятельности в этой сфере в известной степени обуславливались стремлением сохранить прогрессивные для своего времени, тщательно выверенные и апробированные позиции, лежащие в основе Устава уголовного судопроизводства⁴⁸. В частности, Положение предопределило закономерный и давно назревший отказ от дальнейшего функционирования «тяжелых», нерасторопных и малоэффективных следственных комиссий — предварительное следствие передавалось в компетенцию единоличных народных следователей, находящихся в ведении советов народных судей и действующих в пределах специально созданных следственных участков, и т.д.

В марте 1921 г. в систему судопроизводства были введены механизмы так называемого высшего судебного контроля, призванного осуществлять общий надзор за деятельностью судебных органов, давать руководящие разъяснения и указания по вопросам советского права, а также пересматривать приговоры и иные судебные решения, вступившие в законную силу, и возобновлять судебные дела ввиду вновь

⁴⁷ Декрет ВЦИК от 21 октября 1920 г. «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

⁴⁸ См.: Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013. С. 64.

открывшихся обстоятельств, т.е. была предпринята очередная попытка создания некой институции, обеспечивающей решение задач, сходных с задачами, находящимися в настоящее время в ведении Верховного Суда РФ. Однако эти нововведения не предполагали образования отдельного органа власти и даже звена судебной системы, подобного рассмотренному выше формально учрежденному в 1918 г., но фактически так и не созданному Верховному судебному контролю. Указанные функции были возложены на Наркомюст, превращенный, таким образом, и в высшую судебную инстанцию, и в субъекта официального толкования права. Между тем сами механизмы работы высшего судебного контроля не имели должной нормативной основы и носили весьма фрагментарный, в определенной степени даже случайный характер, поэтому их использование не обеспечивало надлежащих гарантий законности правосудия и единообразия судебной практики⁴⁹.

Одновременно достаточно серьезные изменения претерпевала и параллельно существующая система трибунальной юстиции, выраженная в работе чрезвычайных судов, уполномоченных на осуществление уголовной репрессии по политическим делам. Ее оформление в целом было завершено в апреле 1919 г.⁵⁰ Несколько ранее, в феврале 1919 г., было издано специальное Положение о революционных военных трибуналах⁵¹, в соответствии с которым образовывались особые чрезвычайные органы военной юстиции; к их подсудности относились все воинские и политические преступления, совершаемые представителями Красной армии. В ноябре 1919 г. было опубликовано новое Положение о военных трибуналах⁵², в соответствии с которым к их подсудности стали относиться уголовные дела о преступлениях, совершенных военнослужащими и военнопленными в районах боевых действий и создающих опасность для социалистического строя и завоеваний революции, обороноспособности республики, организации и боеспособности Красной армии.

Ввиду изменений военно-политической обстановки и учреждения целого ряда новых чрезвычайных судов (особого трибунала при ВЧК,

⁴⁹ См.: *Вышинский А.Я., Ундревич В.С.* Указ. соч. С. 226.

⁵⁰ Декрет ВЦИК от 12 апреля 1919 г. «О революционных трибуналах. (Положение)» // Известия ВЦИК. 1919. 12 апр. № 79.

⁵¹ Постановление Реввоенсовета Республики от 4 февраля 1919 г. «О революционных военных трибуналах. (Положение)» // Известия ВЦИК. 1919. 12 февр. № 32.

⁵² Декрет ВЦИК от 27 ноября 1919 г. «Положение о Революционных Военных трибуналах» // Известия ВЦИК. 1919. 27 нояб. № 266.

военно-железнодорожных трибуналов, комиссий по борьбе с дезертирством т.д.) в марте 1920 г. появилось очередное Положение о революционных трибуналах⁵³, направленное на упорядочение формирования трибунальной юстиции. Оно объявлялось основным законом для всех революционных трибуналов, обуславливающим потребность внесения соответствующих изменений в регламентирующие их деятельность правовые акты; особый трибунал при ВЧК упразднялся. В Положении нашли отражение базовые принципы и правила процессуального порядка работы революционных трибуналов. Исходя из смысла содержащихся в нем правовых норм, предусматривались две основные формы трибунального судопроизводства: а) развернутая, которая определялась исключительным общественно-политическим значением либо сложностью уголовного дела и предполагала участие сторон, вызов свидетелей и использование прочих технологий, присущих полноценному судебному процессу; б) упрощенная, которая применялась при рассмотрении остальных уголовных дел и сводилась лишь к допросу подсудимого, его выступлению с последним словом, а также к допросам некоторых свидетелей, предварительные показания которых представлялись сомнительными, не заслуживающими доверия⁵⁴.

5. Выводы

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно констатировать, что в силу продолжавшегося в течение первых послереволюционных лет организационно-правового хаоса попытки реформирования уголовной юстиции носили весьма бессистемный, импульсивный, экстренный характер и во многом были обусловлены стремлением скорейшей ликвидации судебных и правоохранительных органов Российской империи, прежнего порядка уголовного судопроизводства и максимально быстрого, оперативного создания временной системы судебно-следственной власти, обеспечивающей возможность эффективной защиты завоеваний революции, осуществления уголовной репрессии в условиях политической нестабильности и по-

⁵³ Декрет ВЦИК от 18 марта 1920 г. «О революционных трибуналах (Положение)» // СУ РСФСР. 1920. № 22–23. Ст. 115.

⁵⁴ Существование указанных форм трибунального уголовного судопроизводства было формально закреплено в постановлении, принятом на II съезде трибуналистов, прошедшем в апреле 1920 г. См.: *Вышинский А.Я., Ундревич В.С.* Указ. соч. С. 222.

строения новой государственности. Причем ввиду вполне понятных политических причин и множества возникающих в результате любой революции реакционных факторов предпринятые в данном направлении меры в принципе не могли быть рассчитаны на долгосрочную перспективу. Они носили безотлагательный характер, во многом базировались на вынужденных и довольно неустойчивых компромиссах, были направлены на решение сиюминутных задач, говоря образно, на «экстренное затыкание дыр».

К тому же в первые годы советской власти уголовная юстиция развивалась по двум параллельным векторам: «ординарному» (нарсудовскому) и трибунальному, предполагавшим наряду с некоторыми сходствами и существенные отличия в организации построения, принципах и механизмах работы соответствующих судебно-следственных органов. При этом никакого объединяющего общереспубликанского судебного центра не существовало и в силу послереволюционного хаоса, нестабильности государственного управления и целого ряда других объективных факторов существовать не могло.

Однако завершение периода военного коммунизма и переход к новой экономической политике предопределили потребность в кардинальных преобразованиях судоустройства, в коренных изменениях порядка уголовного судопроизводства, в постепенном объединении общих (народных) и чрезвычайных судов, в формировании принципиально иных подходов к работе судебных, следственных и правоохранительных органов, обеспечивающих возможность централизованного руководства всей системой советской уголовной юстиции, а также единообразие правоприменительной практики. Эти задачи и обусловили необходимость проведения глобальной Судебной реформы 1922 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бранденбургский Я.Н. Просто законность или революционная законность? // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 31/32. С. 1–2.

Верещагина А.В. Декрет № 1 о суде: история подготовки и его содержание // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 101–109.

Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. М.: Юридическое издательство Наркомюста РСФСР, 1927.

Вышинский А.Я., Удревич В.С. Курс уголовного процесса. 2-е изд. Т. 1. Судоустройство. М.: Советское законодательство, 1936.

Головко Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2001. № 6. С. 3–6.

Захаров В.В. Высший судебный контроль в РСФСР // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. № 15. С. 47–114.

Из деятельности Московского комиссариата по судебному ведомству (беседа с Наркомом юстиции тов. Дм. Ив. Курским) // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 4–5.

Карданова Р.Х. РКП(б) и формирование системы советской юстиции (1917–1922 гг.): Дисс. ... канд. истор. наук. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2006.

Коссов И.А. Окружные народные суды в судебной системе РСФСР (февраль — ноябрь 1918 г.) // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. № 11. С. 87–95.

Крыленко Н.В. О философских выступлениях т. Солнца на тему о «революционной законности», о «старом» и «новом» праве и его практических по этому поводу предложениях // Статьи о революционной законности. М.: Юридическое издательство Наркомюста РСФСР, 1926. С. 46–60.

Крыленко Н.В. Через пять лет // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 6–7.

Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. 2-е изд. М.: Статут, 2017.

Курский Д.И. Основы революционного суда // Материалы Народного комиссариата юстиции РСФСР. 1918. Вып. 2. С. 2–16.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 35. Октябрь 1917 — март 1918. М.: Издательство политической литературы, 1974.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 36. Март — июль. 1918. М.: Издательство политической литературы, 1974.

Мишунин П.Г. Из истории первого Декрета о суде // Вопросы истории. 1949. № 4. С. 9–21.

Нахимсон Ф.М. Первые дни жизни народного суда в Петрограде // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 28–29.

Программы политических партий России. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2013.

Ростовский И.А. Как работал народный суд в 1918 году // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 16–17.

Славин И.В. Пять лет работы совнарсудов // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 8–9.

Сладков В.Н. Наркомат юстиции РСФСР и советское законодательство (1917–1922 годы): Дисс. ... канд. истор. наук. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996.

Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968.

Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сборник статей (1917–1913). М.: Государственное юридическое издательство, 1931.

Стучка П.И. Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 1–8.

Тимашев Н.С. Судоустройство // Право советской России: Сб. статей / Под ред. Е.А. Ляцкого. Вып. 2. Прага: Легиография, 1925. С 213–244.

Трайнин А.Н. О революционной законности // Право и жизнь. 1922. № 1. С. 5–8.

Ундревич В.С. Борьба за суд пролетарской диктатуры в первые месяцы Октябрьской революции // Советское государство и право. Журнал Института советского строительства и права. 1931. № 7. С. 58–76.

Чельцов М.А. Уголовный процесс. М.: Издательство Министерства юстиции СССР, 1948.

Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: Норма, 2013.

Шрейдер А.А. Народный суд. М.: Революционный социализм, 1918.

REFERENCES

Brandenburgskiy, Ya.N. (1922). Prosto zakonnost' ili revolyucionnaya zakonnost'? [Just Legality or Revolutionary Legality?]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yusticii* [Weekly Soviet Justice], 31/32, pp. 1–2. (in Russ).

Vereshchagina, A.V. (2011). Dekret № 1 o sude: istoriya podgotovki i ego sodержanie [Decree No. 1 on the Court: The History of Preparation and Its Content]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 6, pp. 101–109. (in Russ).

Vyshinskiy, A. Ya. (1927). *Kurs ugolovnogo processa* [Course of Criminal Procedure]. Moscow: Legal publishing house of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR. (in Russ).

Vyshinskiy, A. Ya., Undrevich, V.S. (1936). *Kurs ugolovnogo processa. Publ. 2. Book 1. Sudoustroystvo* [Course of Criminal Procedure. Publ. 2. T. 1. Judiciary]. Moscow: Soviet legislation. (in Russ).

Golovko, L.V. (2021). UPK Rossiyskoy Federacii 2001 goda kak kodifikatsiya: «effekt kristallizatsii» ili «effekt razmyvaniya»? [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 2001 as Codification: “Crystallization Effect” or “Blurring Effect”?]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 1, pp. 3–6. (in Russ).

Zharov, V.V. (2016). Vysshiiy sudebnyy kontrol' v RSFSR [Supreme Judicial Control in the RSFSR]. *Istoriko-pravovye problemy: noviy rakurs* [Historical and Legal Problems: A New Perspective], 15, pp. 47–114. (in Russ).

(1922). Iz deyatel'nosti moskovskogo komissariata po sudebnomu vedomstvu (beseda s Narkomom yusticii tov. Dm. Iv. Kurskim) [From the Activities of the Moscow Commissariat for the Judicial Department (Conversation with the People's Commissar of Justice Comrade Dm. Iv. Kursky)]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yusticii* [Weekly Soviet Justice], 44/45, pp. 4–5. (in Russ).

Kardanova, R.H. (2006). *RKP(b) i formirovanie sistemy sovetskoy yusticii (1917–1922 gg.)* [RCP(b) and the Formation of the Soviet Justice System (1917–1922)]. The Candidate of History Sciences Thesis. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (in Russ).

Kossov, I.A. (2009). *Okruzhnye narodnye sudy v sudebnoy sisteme RSFSR (fevral' – noyabr' 1918 g.)* [District People's Courts in the Judicial System of the RSFSR (February–November 1918)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Economy. Control. Right], 11, pp. 87–95. (in Russ).

Krylenko, N.V. (1926). O filosofskikh vystupleniyah t. Sol'tcanatemu o «revolyucionnoy zakonnosti», o «starom» i «novom» prave i ego prakticheskikh po etomu povodu predlozheniyah [On the Philosophical Speeches of Comrade Soltz on the Topic of “Revolutionary Legality”, on “Old” and “New” Law and His Practical Proposals on This Matter]. In: *Stat'i o revolyucionnoy zakonnosti* [Articles on Revolutionary Legality]. Moscow: Legal publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR (in Russ), pp. 46–60. (in Russ).

Krylenko, N.V. (1922). Cherez pyat' let [Five years later]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yusticii* [Weekly Soviet Justice], 44/45, pp. 6–7. (in Russ).

Golovko, L.V. (2017). ed. *Kurs ugovnogo processa* [The Course of the Criminal Process]. Publ. 2. Moscow: Statut. (in Russ).

Kurskiy, D.I. (1918). Osnovy revolyucionnogo suda [Fundamentals of the Revolutionary Court]. *Materialy Narodnogo komissariata yusticii RSFSR* [Materials of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR], 2, pp. 2–16. (in Russ).

Lenin, V.I. (1974). *Polnoe sobranie sochineniy* [Full Composition of Writings]. Publ. 5. Book. 35. Oktyabr' 1917 — mart 1918 Moscow: Publishing House of Political Literature. (in Russ).

Lenin, V.I. (1974). *Polnoe sobranie sochineniy* [Full Composition of Writings]. Publ. 5. Book. 36. Mart — iyul'. 1918 Moscow: Publishing House of Political Literature. (in Russ).

Mishunin, P.G. (1949). Iz istorii pervogo Dekreta o sude [From the History of the First Decree on the Court]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 4, pp. 9–21. (in Russ).

Nahimson, F.M. (1922). Pervye dni zhizni narodnogo suda v Petrograde [The First Days of the Life of the People's Court in Petrograd]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yusticii* [Weekly Soviet Justice], 44/45, pp. 28–29. (in Russ).

(2013). *Programmy politicheskikh partiy Rossii* [Programs of Political Parties in Russia]. Nizhniy Novgorod: Nizhny Novgorod State University. (in Russ).

Rostovskiy, I.A. (1922). Kak rabotal narodnyy sud v 1918 godu [How the People's Court Worked in 1918]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yusticii* [Weekly Soviet Justice], 44/45, pp. 16–17. (in Russ).

Slavin, I.V. (1922). Pyat' let raboty sovnersudov [Five Years of Work of the Council of People's Courts]. *Ezhenedel'nik sovetskoy yusticii* [Weekly Soviet Justice], 44/45, pp. 8–9. (in Russ).

Sladkov, V.N. (1996). *Narkomat yusticii RSFSR i sovetskoe zakonodatel'stvo (1917–1922 gody)* [People's Commissariat of Justice of the RSFSR and Soviet Legislation (1917–1922)]. The Candidate of History Sciences Thesis. Moscow: Russian State University for the Humanities. (in Russ).

Strogovich, M.S. (1968). *Kurs sovetskogo ugovnogo processa* [The Course of the Soviet Criminal Process]. Book. 1. Moscow: Nauka, 1968. (in Russ).

Stuchka, P.I. (1931). *13 let bor'by za revolyucionno-marksistskuyu teoriyu prava: sbornik statey (1917–1913)* [13 years of Struggle for the Revolutionary Marxist Theory of Law: A Collection of Articles (1917–1913)]. Moscow: State Legal Publishing House. (in Russ).

Stuchka, P.I. (1918). *Proletarskaya revolyuciya i sud* [Proletarian Revolution and Court]. *Proletarskaya revolyuciya i pravo* [Proletarian Revolution and Law], 1, pp. 1–8 (in Russ).

Timashev, N.S. (1925). *Sudoustroystvo* [Judiciary]. In: *Lyackoy, E.A. ed. Pravo sovetской Rossii: Sbornik statey* [Law of Soviet Russia: Collection of articles]. Iss. 2. Praga: Legiografiya, pp. 213–244. (in Russ).

Traynin, A.N. (1922). *O revolyucionnoy zakonnosti* [On Revolutionary Legality]. *Pravo i zhizn'* [Law and Life], 1, pp. 5–8. (in Russ).

Undrevich, V.S. (1931). *Bor'ba za sud proletarskoy diktatury v pervye mesyacy Oktyabr'skoy revolyucii* [The Struggle for the Trial of the Proletarian Dictatorship in the First Months of the October Revolution]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo. Zhurnal instituta sovet'skogo stroitel'stva i prava* [Soviet State and Law. Journal of the Institute of Soviet Construction and Law], 7, pp. 58–76. (in Russ).

Chel'cov, M.A. (1949). *Ugolovniy process* [Criminal Process]. Moscow: Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR. (in Russ).

Shejfer, S.A. (2013). *Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoy, sudebnoy i prokurorskoj vlasti* [Pre-trial Proceedings in Russia: Stages of Development of the Investigative, Judicial and Prosecutorial Authorities]. Moscow: Norma. (in Russ).

Shrejder, A.A. (1918). *Narodnyy sud* [People's Court]. Moscow: Revolutionary socialism. (in Russ).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Россинский Сергей Борисович — главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, доцент.

AUTHOR'S INFO:

Sergey B. Rossinskiy — chief researcher, Department of the criminal law, criminal procedure and criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, doctor of law, associate professor.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Россинский С.Б. Формирование и развитие уголовной юстиции в первые годы советской власти (к 100-летию судебной реформы 1922 г.) // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2022. Т. 17. № 5. С. 149–176. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-5-rossinskiy

FOR CITATION:

Rossinskiy, S.B. (2022) Criminal Justice Formation and Development During the First Years of Soviet Power (Devoted to the 100th Anniversary of the Judicial Reform of 1922). *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 17(5), pp. 149–176. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-5-rossinskiy